

«ЭТО БЫЛА ЧЕСТНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»: ЭТНОГРАФИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Мария Сакаева

*Мария Сакаева, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.
eu.sakaeva@gmail.com.*

Статья посвящается памяти журналистов газеты «Красное знамя», стоявших у истоков создания независимой прессы в Коми – Валерия Черницына, Бориса Суранова, Валерия Туркина, Анатолия Полькина и Андрея Шопши.

Выполненное в традиции кейс-стади, настоящее исследование фокусируется на реципрокных практиках во взаимоотношениях между редакцией региональной общественно-политической газеты и ее аудиторией в процессе сопротивления давлению со стороны региональных властей. Давление на прессу, распространившееся в российских регионах в период между 2010 и 2014 годами, проливает свет не только на механизмы государственного контроля СМИ, но и на ресурсы защиты независимых изданий. На основе интервью и ретроспективной автоэтнографии анализируется опыт функционирования независимой газеты в условиях давления региональных властей одного из российских регионов – Республики Коми. Определяя производство СМИ как форму социального процесса, я представляю в статье анализ роли неэкономических капиталов для выживания региональной независимой прессы в контексте давления: профессиональные стандарты и личные нормы, солидарность и реципрокные практики. Результаты исследования демонстрируют агентность журналистов и независимого издания, а также роль локальных сообществ со своими негосударственными СМИ, журналистами и другими социальными и экономическими субъектами в борьбе за свободу прессы.

Ключевые слова: российская журналистика; региональные СМИ; локальные медиа; независимая пресса; реципрокная журналистика; ретроспективная автоэтнография; Республика Коми

ВВЕДЕНИЕ

В России с ее разнообразием форм социально-экономического и политического устройства анализ СМИ субнационального и местного уровней мог бы пролить свет на значение общественно-политической журналистики в жизни регионов.

Однако академические специалисты сходятся на том, что история региональной прессы России 2000-х годов остается во многом белым пятном (Dovbysh 2019; Roudakova 2017). Иван Чупин и Франсуаза Досэ в своих оценках научной литературы касательно журналистских практик в России и Франции подчеркивают, что «наступление государства на свободу слова» было едва ли не темой номер один в академических публикациях о СМИ с самого начала президентства Владимира Путина (Chupin and Dausé 2017:5). На мой взгляд, такой государствоцентричный уклон упрощает картину жизни постсоветской журналистики. Как верно подмечает Ольга Довбыш, фокус на государстве приводит к тому, что в корпусе социальных исследований о российской журналистике постсоветского периода превалирует анализ через призму репрессивных действий государства (Dovbysh and Somfalvy 2021). Безусловно, государственное давление сыграло важную роль в формировании сегодняшнего российского ландшафта медиа. Однако важно также учитывать другие вступившие в игру силы, включая те, что были порождены влиятельными независимыми местными СМИ и работавшими в них журналистскими сообществами.

Поскольку я исхожу из того, что богатую жизнь независимой прессы постсоветской России нельзя сводить только к анализу государственных мер против свободы слова, настоящее исследование поддерживает идею о необходимости переосмыслить само понятие контроля над СМИ. Обратной стороной контроля являются практики противодействия давлению, которые остаются намного менее изученными (Dovbysh and Somfalvy 2021:2). Более того, случай российской прессы как пример «уходящей натуры» в глобальном контексте реформирования СМИ повторяет западную тенденцию выживания прессы в условиях кризиса, вызванного как рыночными факторами (Brüggemann et al. 2016; Nielsen 2016), так и переходом печатных СМИ в онлайн-формат (Coddington 2019; Usher 2014; Zelizer 2019).

Вместо макроэкономической перспективы, основанной на структурных и институциональных способах контроля над СМИ (Erzikova and Lowrey 2017; Ratilainen 2020), я помещаю в центр анализа функционирование газеты «Красное знамя», старейшей и одной из основных независимых газет Республики Коми, ведущей свою историю с 1918 года, и жизнь редакции в условиях давления со стороны региональной власти, начавшегося в 2009 году и завершившегося закрытием газеты в 2013 году. Пытаясь добиться от газеты изменения редакционной политики в пользу отказа от критических материалов о региональной власти, руководство республики прибегало к широкому набору инструментов – от проверок редакции сотрудниками отдела «К»¹ до выпуска газеты-клона (подробнее см. в эмпирической части статьи). Отношения между властями региона и «Красным знаменем» прошли путь от охлаждения до открытой конфронтации (Венцовская 2015:20). Однако мое внимание сосредоточено не на действиях власти, а на акторности издания и журналистов.

¹ Управление «К» – подразделение МВД России, созданное в 1998 году для борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий, а также незаконным оборотом радиоэлектронных и специальных технических средств. Упразднено в 2023 году.

Метод кейс-стади в данном случае позволяет акцентировать внимание на стратегиях и ресурсах сопротивления издания. Опыт исследуемой газеты ставит вопрос о необходимости пересмотра доминирующего ракурса, в котором независимые СМИ России и других постсоветских государств представлены преимущественно в роли «жертв», подавляемых государственной машиной (Anceschi 2015; Fossato 2006; Lewis 2016; Lipman 2014; Vendil Pallin 2017). Я обращаю внимание на потенциал и агентность субъектов СМИ – как самих изданий, так и отдельных журналистов; их практики, мотивы и возможности, с помощью которых они сопротивлялись контролю. Основываясь на исследовании европейских СМИ, эксперт по локальной журналистике Расмус Клейс Нильсен настаивает на том, что истории создания и функционирования прессы в отдельных городах и сельских местностях показывают агентность локальных сообществ (Nielsen 2016:846). Российский опыт демонстрирует, как в условиях давления эта агентность актуализирует властный потенциал локальных изданий и их читательских аудиторий.

Особенность представляемого кейса заключается в том, что газета «Красное знамя» имела достаточно долгую историю сопротивления – с 2009 по 2013 годы. В реалиях сегодняшнего дня, когда в 2022 году целый ряд федеральных независимых СМИ перенесли редакции в зарубежные страны, распустили журналистские коллективы или прекратили работу в России, важно понять, как возможно было сопротивление независимой прессы в российских регионах. Для достижения этой цели я ставлю следующие исследовательские вопросы. Что именно защищали журналисты в борьбе за свое издание, какую именно журналистику отстаивали? Как в этом процессе участвовала читательская аудитория и местное сообщество? Таким образом, предлагаемое исследование является частью более широкого, но мало представленного в русскоязычной литературе о медиа тренда, когда исследования журналистики связываются с изучением аудитории и этнографией медиа, дополняя тем самым социально-культурный анализ журналистики и журналистов (Bird 2010; Nielsen 2015; Roudakova 2017; Usher 2014; Wahl-Jorgensen 2010; Zelizer 2004).

Статья начинается с анализа специфики российского журналистского ландшафта последней декады с акцентом на прессе и региональных СМИ. Далее представлено подробное описание кейса и методология сбора эмпирических данных. На основе автоэтнографии и интервью анализируется опыт функционирования газеты «Красное знамя» в условиях давления со стороны региональных властей. Принципиальным для работы стал ответ на вопрос о том, что двигало журналистским коллективом в борьбе за издание, какую именно журналистику он защищал; этому посвящена первая часть результатов эмпирического исследования. Во второй части статьи я показываю значимость местных сообществ, а именно городских комьюнити со своими независимыми СМИ, журналистами и другими социальными и экономическими субъектами.

ПРЕССА И СВОБОДА СЛОВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАНДШАФТА СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

По разным оценкам процесс установления государственного контроля над независимыми СМИ в России продолжался с начала 2000-х до середины 2010-х годов (Erzikova and Lowrey 2017; Ratilainen 2020; Wijermars 2021). Этот период был отмечен рядом событий и решений государственных регуляторов, в задачу которых входило создание неблагоприятных условий для дальнейшего функционирования независимых СМИ и их встраивание в вертикаль власти. Во-первых, ключевыми точками напряжения стали практики давления на телевизионные каналы олигархов в начале 2000-х годов – от смены руководства и собственников телеканалов ОРТ (принадлежал Борису Березовскому) и НТВ (входил в медиаимперию Владимира Гусинского) до увольнения журналистов канала ТВ-6 (Belin 2002; Fossato 2006). Во-вторых, в 2011–2013 годах федеральное правительство инициировало смену руководства и доноров таких ведущих федеральных изданий как «Lenta.ru» и «Ведомости» (Lipman 2014). Именно в этот период процесс наступления на свободу слова захватил многие регионы (Chupin and Daucé 2017; Dovbysh 2019), в том числе и Республику Коми (Вокуев 2017; Ковалев 2016). Далее наступил период поэтапного «зарегулирования» интернет-изданий и всей онлайн-сферы. Отдельные зарубежные исследователи обозначают эту страницу в истории российской онлайн-журналистики как «время после независимости» (Fredheim 2017). Этап усиления государственного контроля всех типов медиа, от СМИ до социальных сетей, включал в себя целый ряд законов и правовых актов. Среди них нужно вспомнить закон о новостных агрегаторах² (Vendil Pallin 2017), пакет федеральных законов 2019 года о запрете фейковых новостей³ и о суверенном интернете⁴ (Ratilainen 2020; Wijermars 2021), а также так называемый «закон о фейках» 2022 года⁵.

² Федеральный закон № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 23 июня 2016 года. Вступил в силу 1 января 2017 года. Согласно ему, «владельцы новостных агрегаторов обязаны проверять достоверность общественно значимой информации до ее распространения и удалять ее по предписанию Роскомнадзора». См. «Новостные агрегаторы обязали публиковать только проверенные материалы», РИА Новости, 1 января 2017 г., <https://ria.ru/20170101/1485049878.html>.

³ Федеральный закон № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18 марта 2019 года; Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» от 18 марта 2019 года.

⁴ Федеральный закон № 90-ФЗ от 1 мая 2019 года «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»; направлен на блокировку недостоверной информации и создание независимой инфраструктуры для работы сети внутри России.

⁵ В марте 2022 года подписан закон, предусматривающий уголовную ответственность за фейки о Вооруженных силах РФ и призывы к антироссийским санкциям. См. Антон Демидов, «Путин подписал закон об уголовном наказании за фейки о ВС РФ и призывы к санкциям», *Газета.ru*, 4 марта 2022 г., <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/04/17381527.shtml>.

Поскольку в фокусе данного исследования находится независимая газета, нужно остановиться на феномене российской прессы. По замечанию культурного историка Эллен Руттен, российская аудитория в отличие от западной широко разделяла привычку читать прессу и книги. Привязанность «к бумаге» была значимым компонентом культурной идентичности советских людей, которые остались верны этой практике и в постсоветскую эпоху (Rutten 2017:16, 121). Одна из ведущих исследовательниц постсоветской журналистики Елена Вартанова, анализируя потребление прессы в России, отмечала, что в 2000-х годах, не говоря уже о 1990-х, во многих семьях регулярное чтение региональных и местных ежедневных газет дополнялось подпиской на общенациональные еженедельники не только по причине недоступности интернета, но и в силу уже упомянутой культурно укорененной практики узнавать новости из прессы (Vartanova 2002, 2012). Другие исследования подтверждают выводы Вартановой. В 2000-х годах городские и районные газеты оставались ведущими и нередко единственными источниками информации о социально-политической жизни села и города. Помимо уже упомянутых причин, приверженность местной прессе была обусловлена тем, что федеральные печатные издания и телеканалы освещали только общенациональные события (Pasti and Pietiläinen 2008; Pietiläinen 2003).

К середине 2000-х годов в большинстве субъектов России в среднем насчитывалось около 10–15 СМИ общерегионального уровня, включая областные или республиканские газеты, радиостанции и телеканалы (Pasti and Pietiläinen 2008). Эпоха тотальной диджитализации медиа в конце 2000-х годов поспособствовала появлению большого числа новых медиа, как регионального, так и локального уровней (так называемые городские медиа и сельские онлайн-порталы). Республика Коми не была исключением: в 2000-х годах в регионе было зарегистрировано больше сотни различных медиа, однако к середине 2010-х годов многие из них прекратили свое существование (Бешкарев 2019).

По данным исследования ВЦИОМ 2017 года, телевидение и пресса делили лидерские позиции по охвату аудитории: 83% россиян получали информацию из регионального телевидения, а 70% – из региональных газет⁶. Российская глубинка и сегодня в структуре медиа-потребления сохраняет приверженность «бумаге». По результатам выполненного NRS Mediascope в 2023 году исследования, в малых городах и селах печатные выпуски газет и журналов оказались популярнее, чем в средних и крупных городах⁷. Другая важная ремарка о значении прессы в России касается ее медитативной роли в отношениях между государством и обществом. По заключению Натальи Рудаковой, после распада СССР в 1991 году именно в регионах автономная пресса оставалась инструментом публичной власти для различных социальных слоев и политических сил (Roudakova 2017:56). Авторы

⁶ «Медиапотребление сегодня: пять основных фактов», ВЦИОМ, 13 января 2017 г., <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-segodnya-pyat-osnovnykh-faktov>.

⁷ Дмитрий Игнатьев, «Газеты и журналы охотнее читают в малых городах и селах России», *Ведомости*, 26 июня 2023 г., <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/06/26/982238-gazeti-i-zhurnali-ohotnee-chitayut-v-malih-gorodah-i-selah>.

вышедшего в 2025 году сборника о медиакультуре постсоветской России сходятся в том, что с точки зрения влияния на общественное мнение и значимости в процессе становления свободы слова, пресса занимала лидирующее положение в структуре СМИ России 1990-х годов (Vinokour 2025).

Применительно к более современному периоду 2010-х годов, исследователи отмечают еще одну особенность трансформации региональных СМИ – их адаптацию к ситуации зарегулированного и подконтрольного медиа-ландшафта. К таким стратегиям адаптации относят самоцензуру (Erzikova and Lowrey 2017; Schimpfössl and Yablokov 2014). Элизабет Шимпфёssl и Иван Яблоков отмечают, что цензура и самоцензура не укладываются в черно-белую картину. За конформизмом или принуждением скрывается широкий спектр личных мотивов и региональных особенностей, а также набор разнообразных форм социально-экономических отношений в разных типах СМИ (Schimpfössl and Yablokov 2014:308). Фиксируют также деполитизацию контента российских СМИ – например, в случае с экологической повесткой (Dovbysh and Perkiömäki 2024).

Другие стратегии адаптации могут носить взаимовыгодный для власти и СМИ характер. К таким Довбыш относит встраивание региональных СМИ в систему государственных контрактов, когда издания финансируются из регионального бюджета и фактически выполняют функцию информационного сопровождения деятельности органов власти. Такая система гарантирует редакциям финансовую стабильность, а журналистам – долгосрочную занятость в профессии (Dovbysh 2019).

Особенность газеты как типа СМИ состоит в том, что она укоренена в социальных отношениях, историческом контексте и культурной среде (Nielsen 2015; Zelizer 2019). Это позволяет в наиболее выраженном виде обнаружить в ней социальную природу и журналистской профессии, и процесса производства СМИ. Тип СМИ определил выбор парадигмы, в рамках которой выполнено настоящее исследование. Я использую социальный подход к анализу локальной журналистики, где «локальное» трактуется как ориентированное на людей (Hess 2013; Nielsen 2015, 2016). Сторонник социального подхода к анализу локальных СМИ Кристи Хесс утверждает, что связь между географической локацией и местом больше не является достаточным основанием для того, чтобы считать локальные СМИ таковыми. Иными словами, категория места не сводится исключительно к четко выраженному географическому пространству с границами, которые можно зафиксировать на карте. Например, аудитория городской газеты может включать читателей из соседних сельских поселений, а ее влияние выходит за пределы конкретного города. Кроме того, местная газета активно участвует в конструировании определенного ощущения или чувства места (*sense of place*), имеющего социальное, культурное и символическое измерение и не ограничивающегося категориями места и времени (Hess 2013).

Изучение опыта сопротивления региональных независимых изданий попыткам установить над ними политический контроль позволяет переосмыслить содержание понятия локальности и чувства места в исследованиях СМИ. Как я покажу в эмпирической части, локальность в случае с газетой имеет несколько важных

измерений. Локальность – это не только привязка к месту как конкретной точке на карте; под локальным можно понимать и профессиональный коллектив, в данном случае коллектив редакции. Здание редакции – еще одна форма материализации локальности, имевшая исключительно важное значение для жизни «Красного знамени». Кроме того, практики давления на журналистов издания со стороны региональных властей обострили у первых чувство места – через него они конструировали самоидентификацию и коллективную идентичность. Наконец, для доли аудитории опыт многолетней подписки на газету также стал частью их локальной идентичности. Таким образом, посредством газеты журналисты и читатели оказываются частью одного целого.

В настоящем исследовании в качестве теоретической рамки я использую концепцию реципрокной или партиципаторной журналистики, широко применяющуюся в работах о западных СМИ (Coddington 2019; Domingo et al. 2008; Harte et al. 2017; Lewis et al. 2014; Nielsen 2015). Такое понимание и практика журналистики предполагает, что аудитория является не просто потребителем СМИ, но активно включается в процесс их производства. Формирование контента из материалов, созданных не штатными профессиональными журналистами, а представителями аудитории – одна из самых распространенных практик реципрокной журналистики (Domingo et al. 2008; Harte et al. 2017). Такая смена ролей, когда читатель становится автором, может происходить в формате постоянного сотрудничества или единичных публикаций. Сюда, например, относится практика, получившая в России наименование «народный корреспондент». В этом случае обычные люди сообщают в редакцию новости любым удобным способом, отправляя текст, видео- или фото-контент. Активное и содержательное комментирование материалов на цифровых платформах СМИ также относят к реципрокным практикам.

Изучение практик реципрокной журналистики состоит в поиске социальных, культурных и даже политических взаимосвязей между СМИ и аудиторией, в анализе разных форматов взаимодействий между СМИ, журналистами и другими социальными и экономическими субъектами, вовлеченными в производство и потребление СМИ (Harte et al. 2017; Lewis et al. 2014). В данном исследовании я развиваю идею о том, что весь спектр участников, заинтересованных в существовании локальной журналистики, придает ей цель, смысл, значение, а также ресурсы для развития, а в случае необходимости – для сопротивления.

Поскольку речь идет о жизни газеты «Красное знамя» в условиях длительного давления, идея о значении аудитории и местных сообществ для выживания локальных СМИ приобретает особую значимость. Я пытаюсь показать, что длительное сопротивление было возможно благодаря тому, что при поддержке различных местных групп и социальных сил журналисты защищали не только само издание, но также те перспективы, смыслы и значения, которые независимая пресса как тип общественно-политической журналистики воплощала и реализовывала.

МЕТОДЫ И ДАННЫЕ

СБОР И АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Работа сочетает несколько методов качественной социологии. Во-первых, обозначенная выше микро-перспектива в понимании и теоретизации сопротивления СМИ обусловила выбор соответствующей методологии – кейс-стади. В зарубежных исследованиях СМИ метод кейс-стади, основанный на изучении опыта конкретной газеты, городского онлайн-издания, местного телеканала или радиостанции, довольно распространен (Coddington 2019; Domingo and Paterson 2011; King et al. 2013; Nielsen 2015; Usher 2014; Wahl-Jorgensen 2010; Zelizer 2004). Применительно к России Рудакова предлагает смотреть на газеты отдельного региона или города как на зеркало, в котором отражается история всей постсоветской журналистики с клубком социокультурных противоречий и политических катаклизмов (Roudakova 2017). Представленный в настоящем исследовании кейс перекликается с работой исследователей медиа и коммуникаций Патрика Дейли и Беверли Джеймса, объединивших два формата локальности – сообщества коренных народов и локальные СМИ. На примере двух газет, созданных аборигенами Аляски в период интенсивного промышленного освоения региона, они показывают, как локальная пресса становится инструментом борьбы за автономию (Daley and James 2004). Похожий кейс Республики Коми демонстрирует, как через собственные печатные издания сельские и городские сообщества, страдающие от регулярных нефтяных разливов, провоцировали общественные дебаты о последствиях катастроф, принуждали виновных к ответственности и тем самым реализовывали потенциал власти (Сакаева 2023; Sakaeva 2022).

Во-вторых, мое исследование основано на ретроспективной автоэтнографии и глубинных интервью, собранных спустя несколько лет после закрытия газеты. Суть ретроспективной автоэтнографии в отличие от других типов автоэтнографии состоит в том, чтобы поместить автобиографическое прошлое в настоящее (Bell et al. 2020:850), осмыслить опыт прошлого и способы бытия в сегодняшнем контексте (Tripathi et al. 2024). Профессиональный и личный опыт рассматриваются как источники знаний, а личные истории, размышления и рефлексия о прошлом служат способом критического осмысления настоящего (Bell et al. 2020:851; Tilley-Lubbs and Gresilda 2009). Метод широко используется в гендерных исследованиях (Behar and Gordon 1995); также к нему часто обращаются культурологи и антропологи, использующие постколониальную оптику (Bell et al. 2020; Silva 2017).

В 2011–2013 годах я работала журналистом в газете «Красное знамя». Я писала в основном о социальных проблемах (например, инвалидность и бездомность), освещала культурную и спортивную жизнь республики и ее столицы. В редакции меня также ценили как профессионального интервьюера и часто отправляли на интервью с известными в республике персонами и звездными гостями. Мои обязанности открывали доступ к наблюдению и участию в процессе производства газеты на разных его этапах – от выбора тем для публикаций до верстки номера. Также у меня была возможность непосредственной коммуникации со всеми сотрудниками. Опыт журналистской работы помог мне погрузиться в журналистику как профессиональную деятельность и понимать ее как область социальной реальности.

В годы журналистской деятельности я не собирала материалы для исследовательских целей, поэтому было бы преувеличением назвать эту работу автоэтнографической в полном смысле слова. Однако я разделяю идею авторов сборника «Антропология новостей и журналистики в глобальной перспективе» (The Anthropology of News and Journalism: Global Perspectives) о том, что, работая журналистом, человек так или иначе уже собирает этнографический материал (Bird 2010:308). Издание газеты – это ежедневная рутина внутри редакции, включающая в себя планерки, летучки, поиск новостей и информантов, отбор материалов для печатной версии, верстку, корректуру, сдачу номера в печать и десятки других действий и коммуникаций. Как отмечает Никки Ашер в исследовании газеты «The New York Times», огромное разнообразие практик, рутин и социальных взаимодействий невидимы и далеко не всегда понятны социологу со стороны, даже если он получил возможность проводить включенное наблюдение (Usher 2014:35).

Известны и трудности, связанные с применением ретроспективной автоэтнографии: индивидуальная предвзятость, избирательная память, изменение отношения участников со временем (Tripathi et al. 2024). Однако эксперты по медиа сходятся в том, что несмотря на ограничения метода, работы исследователей СМИ с журналистским опытом за плечами обогащают этнографию медиа именно за счет рефлексивности (Coddington 2019; Usher 2014; Zelizer 2019).

Другая группа качественных данных включает глубинные интервью с бывшими коллегами по изданию⁸. Всего было проведено семь интервью с теми, кто работал в газете в период давления на нее – с 2009 по 2013 годы. Интервью длительностью от 50 до 120 минут были собраны летом 2019 года. Список информантов включает редакторов, журналистов, фотографов и специалистов по верстке (см. таблицу 1). Большинство имеют большой опыт работы в прессе, который не ограничивается «Красным знаменем»; при этом некоторые из них после закрытия газеты покинули журналистскую профессию. Все журналисты из числа моих собеседников имеют высшее профессиональное образование по специальности «журналистика» или «филология».

Таблица 1. Список информантов

Код интервью	Пол	Позиция	Стаж работы в газете, лет	Общий журналистский стаж (на момент интервью, 2020 г.), лет
КЗ-1	Ж	Выпускающий редактор, журналист	8	15
КЗ-2	Ж	Специалист верстки	4	8
КЗ-3	Ж	Фотограф	4	4
КЗ-4	М	Журналист	28	32
КЗ-5	Ж	Журналист, редактор сайта	7	12
КЗ-6	М	Редактор, журналист	14	19
КЗ-7	М	Журналист	5	9

⁸ Количество информантов не такое большое, как мне бы хотелось. Среди них нет некоторых выдающихся журналистов, которых к моменту сбора интервью уже не было в живых.

Наши беседы проходили спустя несколько лет после описываемых событий, и я понимаю ограничения, которые накладывает ретроспективный характер этой части эмпирики. Некоторые факты затерялись в памяти, появились разные версии одних и тех же событий. В то же время это были невероятно насыщенные четыре года. За это время коллектив многое пережил: всевозможные практики давления и угроз, два переезда редакции из одного помещения в другое, организованный властями информационный бойкот, вынужденное сокращение штата. Без преувеличения этот опыт был травматичным для всего коллектива и каждого из нас. Для многих журналистов, включая меня, закрытие газеты в конце 2013 года стало финалом профессиональной журналистской деятельности: мы никогда больше не работали в СМИ. Поэтому, на мой взгляд, временной промежуток между событиями и беседами о них с моими бывшими коллегами позволил очистить материал от лишних эмоций и переживаний, посмотрев на все происходившее более отстраненно и с холодной головой.

ОПИСАНИЕ КЕЙСА

Газета «Красное знамя» имеет почти столетнюю историю. Газета под названием «Зырянская жизнь» была основана в Усть-Сысольске (ныне – Сыктывкар) в 1918 году как печатный орган регионального отделения партии в Коми крае. В 1955 году, уже в Коми АССР, газета была переименована в «Красное знамя». В ранний постсоветский период большинство местных газет, действовавших в РСФСР как официальные информационно-пропагандистские агентства региональных партийных органов, почти повсеместно перешли в статус официальных СМИ региональных органов власти (Vartanova 2012). В 1991 году «Красное знамя» приобрело статус акционерного общества. Акции принадлежали частным лицам и сотрудникам издания, и ни региональные власти, ни местная администрация не осуществляли права собственности на издание. Последнее сохраняло статус негосударственного до декабря 2013 года, когда вышел последний печатный номер газеты. Важное изменение в структуре собственности произошло в 2006 году, когда главный редактор и основной акционер продали свои доли акций частному лицу – республиканскому бизнесмену из торгового сектора, вскоре переехавшему из Сыктывкара в Москву.

В 1990–2000-х годах газета выходила четыре раза в неделю, включая субботний номер с приложением для дачников под названием «Дом и огород». Тираж итогового номера с обзором событий за неделю, выходившего по четвергам, составлял 10 тысяч экземпляров. Такой тираж был стандартным для региона с населением менее одного миллиона человек; например, тираж другой республиканской газеты – «Молодежь Севера» – был идентичным. В другие будние дни (вторник и среда) тираж номеров у «Красного знамени» был несколько меньше – от 5 до 7 тысяч экземпляров. Поскольку в период давления издание столкнулось с финансовыми трудностями, периодичность выхода газеты пришлось сократить. Осенью 2011 года из ежедневника газета фактически превратилась в еженедельник: итоговый довольно объемный номер в 24 полосы выходил все так же по четвергам. С 2012 года «Дом и огород» верстался по пятницам, но уже не каждую

неделю, а только дважды в месяц тиражом в 5 тысяч экземпляров. В начале 2013 года тираж еженедельника пришлось сократить с 10 до 7 тысяч экземпляров.

По оценкам всех информантов и по моим личным наблюдениям, новый собственник не оказывал прямого вмешательства в редакционную политику издания. В рассматриваемый период жизни газеты – с 2009 по 2013 годы – главный редактор, выпускающие редакторы и журналисты в целом располагали полной свободой профессионального выражения (подробнее об этом см. в эмпирической части). Единственное, что объединяло собственника и коллектив издания – убежденность в том, что газета должна сохранять общественно-политический характер журналистики. Некоторое равнодушие собственника к внутреннему наполнению газеты, а позднее и интернет-сайта, объяснялось как его отъездом из Коми, так и тем, что газета не входила в число ключевых бизнес-активов предпринимателя. Сам он никогда не проявлял политических амбиций. Поэтому в данном случае не сработал типичный для большинства региональных СМИ сценарий периода 2000-х годов, когда медиа в руках бизнесменов превращалось в оружие политической борьбы (подробнее см. Roudakova 2017).

Надо сказать, что такой формат отношений между собственником и изданием стал одним из факторов стабильности состава коллектива «Красного знамени». Многие люди, включая членов редколлегии или отдела верстки работали в газете по 7–10 лет и даже более. Несколько журналистов провели в «Красном знамени» практически всю свою профессиональную жизнь. Как я покажу ниже, этот факт важен тем, что длительный опыт совместной работы в одном издании превратился в капитал для сопротивления.

Прежде чем перейти к описанию этапов противостояния властей и газеты, нужно также упомянуть о том, что экономический кризис 2008 года негативно повлиял на материальное положение многих традиционных СМИ в России (Vartanova 2012). Коми не стала исключением. К осени 2009 года у другого независимого общественно-политического издания «Молодежь Севера» накопился долг в размере более 700 тысяч рублей, в результате чего главный акционер ЗАО «Редакция газеты “Молодежь Севера”» принял решение о переподчинении издания группе «Север-Медиа». Фактически эта газета стала печатной версией проправительственного информационного агентства «БНКоми» (Венцовская 2015:35). Так, окончательно прояснилась стратегия региональной власти в отношении независимой прессы республики (Вокуев 2017:37). Несколько журналистов «Молодежи Севера» перешли в редакцию «Красного знамени», по выражению одного из них, как «последнее пристанище для сторонников свободы слова» (КЗ-4). Сама «Молодежь Севера» в таком виде просуществовала недолго: «28 марта 2013 года было объявлено о приостановлении выпуска издания. Группа “Север-Медиа” посчитала, что печатная версия БНКоми на данный момент не нужна»⁹.

В редакции самого «Красного знамени» произошло несколько важных событий. Во-первых, в декабре 2006 года после истечения трудового контракта с пре-

⁹ Валерий Черницын, «Прощай, “Молодежка”!», *Красное знамя*, 6 апреля 2013 г., <https://web.archive.org/web/20140727093357/http://komikz.ru/news/society/?id=9948>.

дыдущим редактором газету возглавил новый человек с опытом аналогичной работы в независимом издании соседнего региона. Во-вторых, в декабре 2009 года огромным тиражом вышел первый выпуск газеты-клона под названием «Красное знамя Севера», о котором я подробнее расскажу в эмпирической части статьи. Как вспоминают информанты, идея о клоне как о достаточно распространенном способе грязной конкурентной борьбы или дискредитации родилась в 2007 году. Дизайн и логотип «Красного знамени Севера» полностью повторяли наши, сама газета выходила большим тиражом и, что самое главное, бесплатно распространялась в почтовых отделениях, киосках прессы, через общественные и ветеранские организации.

Важным событием 2010 года стал ребрендинг печатной версии газеты: верстка стала более современной, а итоговый выпуск начал издаваться в цвете. Например, всю первую полосу занимало яркое акцентное фото, иллюстрировавшее главное событие недели из общественно-политической жизни республики. Довольно часто героями недели становились республиканские или столичные политики, запечатленные на фото в далеко невыгодном для них свете. Также была проведена модернизация веб-сайта газеты, которая проходила под девизом «Красное знамя – объединяя поколения» и ставила перед собой задачу расширить аудиторию издания за счет молодого поколения. Поскольку онлайн-журналистика в Коми в те годы набирала обороты (подробнее см. Венцовская 2015), редакции не стоило больших усилий найти специалистов, готовых поработать над новой версией сайта. Причем, как вспоминает один из информантов, «мы не могли платить этим ребятам по рынку, можно сказать, что оплата была чисто символической» (КЗ-1). Для команды «Красного знамени» обновленная версия сайта была ответом на реалии цифровой эпохи, средством конкуренции с другими электронными СМИ за аудиторию, а также инструментом практического воплощения реципрокной журналистики. Как будет показано в эмпирической части, сайт стал платформой реципрокного взаимодействия с аудиторией, охотно создававшей для него контент. Интернет-версия издания не была дубликатом печатного издания, как это зачастую случалось с региональными газетами. Напротив, сайт фактически представлял собой самостоятельное, полноценное СМИ со множеством рубрик: «Колонки», «Блого-сфера», «Комиксы», «На злобу дня», «Интервью» и другие.

Следующий рубеж в конфликте газеты с региональными властями – лето 2011 года, когда начались практики выстраивания барьеров на пути газеты к читателю – в частности, изъятия тиражей газеты. Для понимания механики этого процесса приведу фрагмент одного из интервью:

В 2011 году Республика отмечала юбилей – 90 лет. Мы, конечно, подготовили специальный номер к этой дате. Но он практически весь оказался в подвале Администрации. То есть они его выкупили и не распространили. Хотя там и политики практически не было. То есть они изъяли часть тиража, которая в продажу должна была поступить. Это не одна тысяча экземпляров. А те, которые по подписке, как они могли его изымать? Такая практика стала системной, мы ничего с этим не могли сделать (из интервью с КЗ-1).

Следующая важная дата – июль 2012 года. Тогда «Красное знамя» получило уведомление от Агентства по управлению имуществом Республики Коми о расторжении договора аренды помещения, в котором размещалась редакция. В качестве официальной причины была заявлена задолженность по арендным платежам. После безуспешных попыток обжаловать решение в суде в июле 2013 года «Красное знамя» покинуло Дом печати, переехав в помещение типографии на окраине города (об эффектах этого переезда я отдельно поговорю в эмпирической части).

Это событие стало своего рода точкой невозврата, когда, по словам большинства информантов, исход борьбы был предreshен и последние надежды на сохранение газеты рассеялись. Поэтому осенью 2013 года в газете выходит серия журналистских материалов под названием «Зарубинкорпорейтед: 12 лет в Республике Коми». Расследование в пяти частях было посвящено итогам правления Главы Коми Вячеслава Гайзера, избранного всеобщим голосованием в 2010 году, и озаглавлено с отсылкой к фамилии Александра Зарубина – крупного российского бизнесмена и неформальной правой руки Гайзера (Ковалев 2016). Газета фактически обнародовала коррупционные схемы, бюджетные махинации и хищения государственной собственности в регионе.

Выход этих публикаций стал окончательным сигналом для региональных властей о том, что газета не намерена договариваться, встраиваться в систему управляемых СМИ. По словам одного информанта, решение редакции о публикации громкого расследования было сознательным: «Мы понимали, что нам этого не простят. Но терять было уже нечего. Мы уже осенью понимали, что конец близок, поэтому пошли ва-банк» (КЗ-4). «Если умирать, то красиво и громко. Эти материалы имели эффект разорвавшейся бомбы. Вся республика обсуждала, все чиновники, простые люди. Они просто не верили, мне кажется, что мы на это пойдем», – добавляет другой журналист (КЗ-1). Судя по всему, учредитель издания тоже окончательно осознал, что сохранить издание не удастся, тем более что с точки зрения законов ведения бизнеса актив уже давно был глубоко убыточным. Осенью того же 2013 года он принял решение прекратить финансирование газеты, и штатные сотрудники редакции получили уведомление о расторжении трудовых договоров.

«НАСТОЯЩАЯ ЖУРНАЛИСТИКА», «СВОБОДНАЯ ГАЗЕТА», «НАШ ДОМ»: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В настоящем исследовании я обращаюсь к газете, занявшей определенное место в поле региональных СМИ благодаря независимому статусу и социально-политическому профилю. История сопротивления ее редакции отражает важную роль профессиональных аспектов общественно-политической журналистики – наличие профессионального образования и квалификации, обладание профессиональными знаниями и навыками, а также опыт работы в СМИ. В неменьшей степени в журналистской работе в отличие от других публичных профессий важны убеждения, нормы и ценности – индивидуальные и групповые, профессиональные и личные (Coddington 2019). Как отмечает Нильсен, для понимания природы

локальной прессы с ее укорененностью в местном сообществе необходим ответ на вопрос из этической плоскости – «что такое хорошая журналистика?» (Nielsen 2016:843). Операционализируя этот вопрос под цели моего исследования, первую часть эмпирического анализа я посвящаю тому, какую именно журналистику отстаивали сотрудники «Красного знамени», каким видели ее место в общественно-политической жизни и как в этом процессе переплетаются материальное, символическое и социальное. Ответы именно на эти вопросы позволяют понять, как и почему было возможно сопротивление.

Исследователи медиа с журналистским опытом подчеркивают, что от всех прочих публичных занятий эта профессия отличается высокой значимостью личных и профессиональных ценностей и убеждений (Coddington 2019; Usher 2014; Zelizer 2019). Тема ценностей, смыслов и задач журналистики была одной из центральных в рабочих и неформальных разговорах сотрудников в годы сопротивления, а также годы спустя в интервью. Разговор о ценностях позволяет раскрыть, как сотрудники понимали цель и смысл журналистики, свое место в ней.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАВИСИМОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Анализ нарративов моих информантов показывает, что журналистика не является просто работой. Журналистика для них – не просто профессия и рутинное производство информации, а часть жизни; по сути, это и была сама жизнь. Все они понимают опыт работы в газете как страницу жизни, в которой было глубокое совпадение личных убеждений и профессиональных стандартов, когда рабочее и личное, публичное и приватное фактически обуславливали друг друга. Например, свобода слова и журналистская беспристрастность рассматриваются всеми информантами и как обязательное условие, основа профессии, и как личное внутреннее убеждение. В качестве иллюстрации приведу следующие фрагменты интервью:

Это была честная журналистика. По идее, оппозиционности как таковой не было. Обычная, нормальная, честная журналистика. Нормальная, свободная, хорошая газета. [...] Уже тогда СМИ писали только про бантики, фантики и так далее. И вот наконец появилось место, где можно было писать про другое (из интервью с КЗ-7).

Опуская опять же все стороны – это полное самопожертвование. Если вспоминать нашего [выпускающего] редактора. Он был человек, который вкладывался. Он приносил себя в жертву, и он требовал от всех. Когда я работала редактором отдела новостей, у нас все выходные были загружены. У меня не было дома компьютера, и я работала в редакции на компьютере (из интервью с КЗ-5).

Обращаясь к представлениям сотрудников газеты о журналистике, важно отметить, что «честная журналистика» и «Красное знамя» были синонимами. «Честная», «свободная», «настоящая», «правдивая» – эти характеристики и газеты, и журналистики, которую мы делали, звучали в повседневных и рабочих разговорах в годы давления, а также в интервью спустя годы. То есть реализация задач

«настоящей журналистики» в том виде, в котором мы ее понимали, в описываемый период возможна была только в «Красном знамени». Для иллюстрации этого тезиса и короткой характеристики ландшафта СМИ в 2011–2013 годах приведу фрагмент интервью с одним из старейших журналистов издания:

Информант: Все эти остальные СМИ, они были под властью. Они были организованы властью, там власть была учредителем.

Интервьюер: Вы считаете, что там работали не журналисты?

Информант: Почему не журналисты? Журналисты. Но они приняли условия игры без всяких сопротивлений. Приспособленцы, я бы сказал. Мы тоже не были революционерами. Я сто раз говорю, что мы не были революционеры. Но нас так учили, что нужно критиковать власть, если ты журналист (из интервью с КЗ-4).

Другой репортер в интервью 2020 года понимает настоящую журналистику как «правдивую и свободную» (КЗ-3). А быть журналистом именно независимой газеты означает иметь возможность развить профессиональные навыки и нарабатывать ценный опыт, а также реализовать право на свободу слова, выразить гражданскую позицию и мировоззрение:

Никто из моих коллег, и ты тоже, которые работали в тот период в «Краске» [короткое название газеты внутри редакции и среди аудитории], потом не пошли работать ни в одно проправительственное издание, где пишут то, что надо, что скажут. Где зачастую пишут не правду. Какое сейчас официальное СМИ ни возьми, никто из наших там не работает. Я имею в виду тех, кто когда-то работал в «Краске» или «Молодежи Севера». [...] Видимо, это все-таки тип мышления, какие-то принципы в хорошем смысле (из интервью с КЗ-5).

Эти фрагменты иллюстрируют также то, чем газета являлась для сотрудников. Еще раз подчеркну, что «Красное знамя» было не просто местом трудоустройства; это была школа журналистики и в каком-то смысле школа гражданственности, особенно для молодых сотрудников – штатных журналистов, фотографов, корректоров, специалистов по верстке, внештатных авторов. Старшие более опытные коллеги как учителя, а редакция как школа, одновременно отражавшая и формировавшая наши убеждения, нормы и ценности. Если говорить обо мне, то «Красное знамя» было вторым СМИ в той части моей карьеры, которая связана с журналистикой. Я хотела работать именно в этом издании, еще будучи старшеклассницей. Поэтому полностью солидаризируюсь с нижеследующим и другими высказываниями своих коллег о том, чем наша газета отличалась от других изданий региона: «Это было место, где были хорошие учителя. А мы были хорошими учениками. То, что мы копили, что хотели сказать. Наконец нашлось место, где все это можно было наконец реализовать» (из интервью с КЗ-5). Для некоторых газета и ее коллектив даже заменили университет, восполнили дефицит образования: «Работа в газете очень сильно меня изменила. Во-первых, профессионально. Это была реальная школа, это был университет для меня. У меня же среднее специальное об-

разование, не высшее, поэтому... По сравнению с тем, что я знала, умела, и чему я тут научилась в итоге» (из интервью с КЗ-2).

Защищая издание, сотрудники отстаивали пространство своей самореализации, свою профессиональную alma mater, тот опыт, который наработали, те знания и умения, которые получили благодаря газете. В некотором смысле они защищали свою общую историю. Мы были заинтересованы в профессиональном росте, рассматривали независимую прессу как сферу, где могут быть реализованы профессиональные амбиции и стремление влиять на процесс принятия решений. Более того, профессиональное развитие и опыт работы именно в этом издании одновременно отражали и формировали наши личностные качества. В интервью и неформальных разговорах мои бывшие коллеги признаются, что газета и ее коллектив во многом сформировали их как личности:

У меня была мотивация изначально – реализовать себя. Я вообще хотела попасть на первую полосу, чтобы моя фотографии стояла на первой полосе. Это же 2011 год был. Это сейчас интернет всем правит, и работа в газете не кажется чем-то престижным. А тогда были другие времена. [...] Мои взгляды изменились после того, как я пришла в газету. Ну, я просто банально стала интересоваться политикой. До этого не было такого интереса. Сколько мне там было? Лет 22–23? (из интервью с КЗ-3).

Таким образом, все информанты среди важных причин работы именно в обсуждаемой газете называли нематериальные мотивы – самореализацию, профессиональную состоятельность, свободу, поддержку и сплоченность коллектива, наставничество. В начале 2010-х годов палитра СМИ в Республике Коми была достаточно разнообразной (Бешкарев 2016), и нам было с чем сравнивать. Если говорить о молодых журналистах, чей опыт в профессии не исчислялся десятилетиями, до или после «Красного знамени» мы работали в других СМИ, в пресс-службах или PR-отделах. Между тем, в одних СМИ не было общественно-политического профиля, другие были учреждены региональными властями со всеми вытекающими последствиями, а в третьих не было такого сплоченного коллектива единомышленников.

Значимость профессии, ее идейные основания и базовые ценности, а также роль общественного авторитета газеты подверглась серьезной переоценке, когда коллектив газеты столкнулся с информационным бойкотом. В 2012 году чиновники региона всех уровней перестали давать изданию комментарии и отвечать на официальные запросы, а журналистам газеты ограничили доступ на официальные мероприятия – от круглых столов общественников до заседаний в министерствах и ведомствах. Пресс-конференции, брифинги, заседания регионального парламента и городского совета, звонки в пресс-службы министерств и ведомств, пресс-релизы от государственных учреждений, органов власти и бизнеса, официальные комментарии или интервью – все двери оказались закрыты. Вот как об этом вспоминают журналисты: «Дошло до того, что запретили культуре [учреждениям культуры региона] давать объявления, афиши театральные и музейные мы

даже перестали печатать. Всем учреждениям и бизнесу запретили без согласования с “верхом” даже рекламу давать» (из интервью с КЗ-1).

К этой истории я вернусь во второй части эмпирического анализа, посвященной реципрокности. Тут же отмечу только следующее: эта новая реальность находила заметный эмоциональный отклик в редакции. В период моего непосредственного наблюдения за развитием событий эти эмоции выражались бурно и часто выходили за границы цензуры. В интервью, которые я собирала в 2019 году, эмоциональность оценок сохраняется – то есть даже спустя годы эти события вызывают живую рефлексию: «блокада», «бойкот», «информационный вакуум», «истерика чиновников», «военное положение».

Для иллюстрации серьезности последствий информационного бойкота приведу историю из личного профессионального опыта. Осенью 2012 года мне позволила пресс-секретарь одного из государственных учреждений культуры. Нас связывали теплые деловые отношения: как культурного обозревателя газеты меня хорошо знали едва ли не все сотрудники учреждения и всегда шли на контакт, давали интервью, комментарии. Меня удивил не звонок, а предложение встретиться в кафе. «Есть разговор», – сказала она. На встрече она сообщила о поступлении в дирекцию учреждения «распоряжения сверху», естественно неформального характера, о том, что учреждение и все его сотрудники должны прекратить всяческое взаимодействие с нашим изданием. Она добавила, что подобные «разнарядки» получили все без исключения культурные учреждения республики – от театров до сельских клубов.

Этот сюжет важен еще и потому, что показывает не только высокий уровень уважения и признания, которым пользовалась газета, но и личный характер взаимоотношений между журналистами и появлявшимися на страницах издания героями. Тот разговор для нас обеих был настолько эмоционально тяжелым и в какой-то степени травматичным, что даже по прошествии лет я помню, как пресс-секретарь говорила со мной сквозь слезы. Она без конца извинялась за себя, за дирекцию и весь свой коллектив, выражала искренние сожаления по поводу того, что газета переживает такие непростые времена.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОСТИ: ЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ

Анализ представленных выше символических, ценностных и идейных составляющих журналистики был бы неполным без рассмотрения их связи с местом или локальностью. При рассмотрении локальной журналистики как социального явления многочисленные авторы подчеркивают тесное переплетение материального, культурного и символического, сконцентрированного в конкретном месте (Bird 2010; Hess 2013; Nielsen 2015, 2016; Zelizer 2019). Опыт сопротивления позволяет пересмотреть содержание понятий «место» и «локальность» на примере локальной прессы и показать значимость конкретного места, которое тоже становится объектом защиты. Так, помещение редакции может иметь широкий социально-культурный смысл и быть формой материализации локальности.

Как уже отмечалось, для сотрудников «Красного знамени» газета была не просто местом трудоустройства. С точки зрения локальности «место работы» имело целый ряд смыслов, сконцентрированных в слове «Дом». Это понятие вмещало в себя несколько значений. Во-первых, исторически газета была связана с конкретным зданием в городе: редакция располагалась в Доме печати, построенном в середине 1920-х годов и с тех пор носившем именно такое название. В советские времена в Доме печати размещался обком КПСС (1-й этаж), региональная комсомольская организация (2-й этаж) и тогда еще партийная газета «Красное знамя» (3-й этаж). Таким образом, и газета, и все ее сотрудники, работавшие в издании на протяжении почти ста лет, всегда размещались в Доме печати. В таком ключе словосочетание «издание в здании» приобретает особый смысловой оттенок.

Помимо символического, Дом печати имел и важное функциональное значение. Здание находится в центре города, недалеко от главной площади, регионального парламента, администрации главы Республики Коми, нескольких региональных министерств и ведомств. Такое местонахождение было не просто удобно с точки зрения логистики – это оптимизировало и ускоряло подготовку материалов, потому что «все и вся было под рукой» (КЗ-5). Расположение в центре обуславливало доступность редакции и журналистов для жителей города. Как отмечал один из коллег в интервью: «Город же маленький, все важное в центре сосредоточено. Любой мог заглянуть, забежать на разговор, занести что-то. Ко мне постоянно заходили друзья-приятели, потому что рядом, удобно. За свою бытность столько информации нужной и важной получал за такими разговорами» (из интервью с КЗ-6).

Но самой важной, пожалуй, является символическая значимость места. Как отмечают эксперты по локальным СМИ, место конструирует индивидуальную и коллективную идентичность журналистов и локального сообщества (Hess 2013:55). И это было действительно так. В постсоветский период в Доме печати размещались редакции и других СМИ, однако местные жители продолжали ассоциировать здание именно с «Красным знаменем», и наоборот. Давление властей обострило чувство места у сотрудников издания, особенно когда в июле 2012 года газета получила уведомление от Агентства по управлению имуществом Республики Коми о расторжении договора аренды. Без преувеличения это было ударом для всех сотрудников, поскольку через Дом печати они конструировали и свою личную, и коллективную идентичности. По общему мнению журналистов, «выселение редакции из Дома печати» (КЗ-7) входило в число ключевых рычагов давления, так как его инициаторы понимали значимость здания для коллектива.

После безуспешных попыток обжаловать решение в суде редакция покинула Дом печати в июле 2013 года, переехав в куда меньшее помещение на окраине города. Это было сродни потере корней: коллектив лишился символической и даже эмоциональной поддержки стен. Во взятых в 2019 году интервью эти чувства прослеживаются: «Для нас это было принципиально. Дом печати строился для “Красного знамени”. Это как выгнать зайчика из его избушки. Тоже хорошую метафору придумал бывший тогда уже руководитель Торгово-промышленной па-

латы Коми, наш друг. Он сказал, что это как Брестская крепость. Это так и было. А потом зная вынесли с собой и отнесли в другое место» (из интервью с КЗ-1).

Резюмируя, мы видим, что отдельный кейс из истории российской региональной прессы помогает переосмыслить само содержание понятий «место» и «локальность» в изучении локальной журналистики. Связанное с конкретным зданием, место, тем не менее, имеет социальное и культурное измерение, важное для понимания природы журналистики. На примере «Красного знамени» локальность оказывается материализованной в конкретном здании – Доме печати. В нем и его обитателях символически отражается история газеты, рожденной в далеком 1918 году, а вместе с ней и история целой страны. В рамках такой оптики помещение редакции или Дом печати можно рассматривать как места, соединявшие настоящее с прошлым и дававшие уверенность в будущем.

РЕЦИПРОКНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛОКАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ФОРМЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЗНАЧИМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ДАВЛЕНИЯ

Реципрокная журналистика основывается на следующей идее и практике: производством контента для СМИ могут и должны заниматься не только сотрудники изданий, но также любые заинтересованные в этом представители читательской аудитории (Coddington et al. 2018; Domingo et al. 2008; Harte et al. 2017). Кроме того, реципрокность – важный компонент выживания локальной прессы в разных странах мира в условиях давления медиакорпораций и агрессивной диджитализации (Coddington et al. 2018; Lewis et al. 2014). В западном контексте реципрокность приходит на помощь, когда риски для выживания локальных СМИ вызваны не политическими причинами или практиками давления, а законами капиталистического рынка. Марк Коддингтон метафорично называет реципрокность ресурсом выживания городских онлайн-медиа в условиях современного американского капитализма (Coddington 2019:35).

Как я отмечала ранее, специфика местной газеты как типа СМИ состоит в ее укорененности в социальных отношениях, историческом контексте и культурной среде (Harte et al. 2017; Nielsen 2015, 2016). Это, в свою очередь, позволяет в наиболее выраженном виде обнаружить в таком издании социальную природу и журналистской профессии, и процесса производства СМИ. Социальные основы функционирования региональной прессы становятся видимыми через доверие, социальные связи и социальный капитал – ключевые компоненты реципрокности (Harte et al. 2017; Lewis et al. 2014). Кейс сопротивления независимой прессы, к которому я обращаюсь, проявляет несколько форм реципрокности, обретающих в условиях давления особую значимость.

Первая форма реципрокности включает социальные связи и неформальные отношения журналиста для поиска информации и сбора данных при написании материала. Этот ресурс был доступен в первую очередь опытным журналистам газеты, которые с 1990-х годов профессионально занимались политической журналистикой и наработали обширную сеть знакомств и связей в городской и регио-

нальной политике. Как упоминалось выше, из-за административного давления издание и его журналисты оказались жертвами информационного бойкота. Газету полностью отрезали от источников официальной информации и любой возможности коммуникации с органами власти и государственными учреждениями. В редакции остро встал вопрос, как теперь создавать материалы и оперативно сообщать новости. И здесь важную роль сыграла, как ее обозначил один из информантов, «тяжелая артиллерия нашей газеты»: авторитетные журналисты, которых «знала вся республика» (КЗ-5). Конечно, их социальный капитал был не безграничен, а хорошие личные отношения или прошлый опыт сотрудничества вовсе не гарантировали, что люди захотят делиться информацией – особенно те, кто работал в системе государственной службы или органах власти. Последние опасались контактировать с журналистами «Красного знамени» даже неформально, не говоря уже об официальных комментариях.

К этому нужно добавить, что статус авторитетного общественно-политического издания не позволял журналистам опускаться до уровня «желтой прессы». Именно социальный капитал и «информаторы» (КЗ-6) какое-то время позволяли выходить из сложившейся ситуации. Вот как один из старейших авторов «Красного знамени», специализировавшийся на жанре журналистских расследований, описывает свой опыт работы над материалами и поиска информации в условиях информационного бойкота: «К этой власти относились очень негативно. И люди рассказывали, давали информацию, даже в министерствах. Например, про махины мне рассказывали люди, которые работали в аппарате правительства. Они надеялись, что будет корректировка или будет что-то меняться» (из интервью с КЗ-6).

Второй компонент реципрокности, посвященный доверию, в случае с «Красным знаменем», реализовывался в форме участия читателей в наполнении газеты. Формирование контента из материалов, созданных не штатными профессиональными журналистами, а представителями аудитории, является одной из самых распространенных практик реципрокной журналистики (Domingo et al. 2008; Harte et al. 2017). Так, и печатная версия «Красного знамени», и вебсайт пополнились целыми рубриками за авторством тех, для кого журналистика не была профессией, кто ранее не писал для СМИ. Как подчеркивает один из информантов, «в “Краске” хотели публиковаться, потому что нам доверяли» (КЗ-2).

Предложили бывшему сотруднику милиции, с которым один наш журналист давно и тесно дружил, писать для нас очерки о неизвестных событиях криминального прошлого республики. Ты помнишь да, что они почти каждую неделю выходили в газете (из интервью с КЗ-7).

Чем мы могли завлечь в таких условиях? Поняли, что мы можем завлечь только контентом, хорошей версткой, хорошими текстами. Мы давали тексты для разного читателя. Появилась рубрика «Северная широта» об истории Коми края (из интервью с КЗ-5).

Развитие вебсайта газеты, о котором говорилось выше, в условиях сопротивления приобрело совершенно новое значение, о котором при выходе в интернет-

поле его инициаторы не подозревали. Напомню, что мы запускали онлайн-версию с целью выйти за рамки привычного формата «газеты для старшего поколения», привлечь молодых читателей актуальными и интересными для них материалами. Ограниченный штат журналистов по объективным причинам не успевал бы одновременно делать материалы и для газеты, и для сайта, обновление которого требует большей скорости работы; поэтому мы стали привлекать новых авторов из числа читателей.

В то же время, чем больше сложностей возникало с изданием и распространением газеты, тем большую значимость приобретал вебсайт. Особенной популярностью на нем пользовались рубрики «Блогосфера» и «Колумнисты», где регулярно появлялись материалы от людей совершенно разных профессий: преподавателей вузов и артистов театра, бизнесменов и бывших депутатов регионального парламента, экоактивистов и юристов, студентов и кандидатов наук. Часть журналистов, включая меня, также постоянно вели колонки на сайте.

Они пришли сюда, это не просто было для них место работы, где они просто работу работают и получают за это деньги. Хотя если внештатники, то гонорары невысокие у нас были. Но мы хотели изменить мир, хотя бы в отдельно взятом городе и республике. К нам приходили, например, девочки и мальчики – экологи, пацифисты, активисты. Они не регулярно публиковались, конечно, как внештатники. Но они же шли целенаправленно, выбирали именно нашу газету. И никто в журналистике не остался в итоге. С уходом нашей газеты очень побледнела палитра СМИ Коми (из интервью с КЗ-3).

Если вернуться к эмпирическому анализу, представленному в предыдущей части, то мотив участия в изменении мира к лучшему объединял сотрудников издания и тех, кто видел в нем площадку для высказывания. Ценность честной журналистики без цензуры была важна для обеих сторон. На мой взгляд, в этой синергии и отражается главный смысл прессы, который Рудакова обозначает как поиск правды и ее обнародование (Roudakova 2017). Готовность аудитории нашей газеты написать материал, дать комментарий, опубликовать колонку сигнализирует, в первую очередь, о высоком запросе на ценности честной журналистики, запросе на правду – на право знать правду и говорить правду. Еще одна причина того, что найти желающих поучаствовать в наполнении газеты не составляло труда, кроется в авторитете издания. Как выразился один из журналистов, «нас все знали и уважали» (КЗ-7).

Тут именно социальные сети. То есть он [редактор] позвал своих друзей. Он мог быть даже не знаком с человеком, но он знал, что тот человек в своей области лучший и он, естественно, звал. У нас можно было писать то, что хочешь, а не то, что нужно. И потом, опубликоваться в хорошей газете все равно считалось хорошо, престижно (из интервью с КЗ-1).

Появилась блогосфера, расширился набор авторов для колонок, написать мог буквально любой. Договорились с музыкальным критиком, который писал о музыке. С экологами договаривались, которые делали просветительские материалы для сайта (из интервью с КЗ-3).

По моим наблюдениям, которые также подтверждают все информанты, в сюжете о развитии вебсайта важным оказалось еще одно обстоятельство. Стилистика и содержание материалов, кроме орфографической и грамматической корректуры, не подвергались редактуре. Если добавить к этому то, что «Красное знамя» было последним в регионе независимым СМИ, можно сказать, что онлайн-журналистика была формой проявления свободы слова в чистом виде. Конечно, было бы преувеличением считать ее панацеей: как показала дальнейшая политика регулирования онлайн-СМИ и интернета в России (Vendil Pallin 2017; Wijermars 2021), а также опыт других стран (Anceschi 2015; Lewis 2016), именно диджитализация является ахиллесовой пятой для свободы прессы и свободы слова в целом. Цифровизация открывает новые возможности для контроля, когда для закрытия неудобного СМИ достаточно просто «нажать кнопку» (King et al. 2013; Masduki 2021). «Красное знамя» тоже ощутило на себе эту обратную сторону цифровизации. После роспуска редакции и прекращения выхода печатной версии сайт функционировал еще около двух лет за счет частных пожертвований на оплату хостинга и благодаря энтузиазму одного из самых известных журналистов газеты (хотя, по сути, сайт представлял собой скорее веб-архив публикаций, выходивших за всю историю существования электронной версии «Красного знамени»). Но и это не могло продолжаться долго: со всем богатством архивов и материалов сайт тоже канул в Лету.¹⁰

Если вернуться к ресурсам поддержки со стороны читателей газеты, нужно вспомнить декабрь 2009 года, когда вышел первый выпуск газеты-клона «Красное знамя Севера». Технология так называемого «клонирования» была изобретена не в Коми – она давно используется в разных странах мира при давлении на независимые СМИ (см. подробнее Abbot 2011; Stockmann 2012). Мои информанты в первую очередь отмечали агрессивное распространение «клона» за счет административного ресурса. Среди прочего речь идет о неформальных инструментах давления:

Там была такая тактика. Когда «КЗ Севера» появилось, его выкладывали в киосках и отделениях почты на первый ряд. Народ спрашивает «Красное знамя». Они же не говорили «Севера», и им давали ту. Если про почту – скорее всего была устная просьба [не продавать в розницу и задерживать доставку по подписке]. А там уже доводили до сотрудников почтовых отделений. Письменно, конечно, ничего не найдете, а устно было так. Ну, по-другому потому что как? Если бы это было в одном ларьке. А раз это было везде, то, скорее всего, было общей [практикой] (из интервью с КЗ-4).

Издание-клон заставило редакцию «Красного знамени» уделить больше внимания подписке и пересмотреть свои отношения с читателями печатной версии. Настало время перестать воспринимать поклонников «бумаги», рожденных в СССР,

¹⁰ Благодаря возможностям «Архива Интернета» (<https://web.archive.org/web>) сегодня можно получить доступ к некоторым архивным материалам вебсайта газеты – komikz.ru (см. снапшоты 2008–2022 гг.). Однако и этот доступ крайне ограничен ввиду массовых блокировок целого ряда сайтов в России.

как саму собой разумеющуюся часть аудитории, которая никуда не денется. «Мы за много лет привыкли, что определенная часть аудитории всегда с нами. Та, которая выписывает газету десятилетиями, потому что привыкли, потому что мама ее выписывала или бабушка. А тут подписка упала. И в тех обстоятельствах такая, как раньше казалось, мелочь оказалась чувствительной для редакционного бюджета» (из интервью с КЗ-6). Один из журналистов признался в интервью об утрате связи редакции с определенной частью аудитории, прежде всего пожилыми подписчиками, которым современные модные рубрики и повышенный градус политической провокационности издания были не по душе. На редакционных коллегиях зазвучали слова о том, что «почивать на лаврах больше нельзя»: настало время отказаться от восприятия подписчиков как группы без голоса или влияния. «Мы поняли, что пришло время обратиться за поддержкой к нашим читателям, которые выписывали газету много лет. Мы инициировали подписную кампанию по-новому, обратившись с пожеланием лично к каждому читателю. И подписка нас выручила. Всего лишь полугодовая подписка, деньги капали на нее. То есть благодаря читателям мы выжили, эти несколько месяцев продержались» (из интервью с КЗ-1).

Давление на газету переформатировало ее аудиторию из пассивных читателей в ресурс сопротивления, к которым можно обратиться за поддержкой и тем самым актуализировать ресурс солидарности между журналистами и читателями. Поддержка аудитории проявлялась не только «рублем» через подписку – от давних читателей из разных городов и районов республики в редакцию поступали звонки и письма. Эпистолярный жанр не был массовым, но «каждое письмо было на вес золота» (КЗ-6), как комментирует один из журналистов. Вот что вспоминает по этому поводу один из сотрудников газеты, какое-то время занимавший должность выпускающего редактора: «Интернет, по интернету писали. Уже писем [в конвертах] меньше было. Нам писали с мест, обращения были. Что-то мы публиковали. Но звонков было много, люди предлагали темы. Со всей республики звонили» (из интервью с КЗ-4).

По моим личным наблюдениям и по словам коллег, авторитет издания в регионе был невероятно высок. Аудитории был важен сам факт того, что газета продолжает выходить, что сайт пополняется новыми материалами. И это несмотря на изменения жанрового спектра: в условиях информационного бойкота баланс журналистских жанров вынужденно сместился в сторону авторских колонок, очерков и эссе. Газета также наполнялась перепечатками материалов дружественных изданий.

Опыт всех сотрудников издания в эти непростые годы также был связан с постоянными вопросами о положении дел от друзей, знакомых, бывших коллег, одноклассников, сокурсников и соседей. Этот тип поддержки аудитории я бы хотела проиллюстрировать личной историей. Дело в том, что часть моих соседей по подъезду давно и преданно выписывала «Красное знамя». Это пожилые интеллигентные люди, которые всегда занимали важное место в структуре наших подписчиков. Соседи, конечно, знали, что я работаю в газете, при встрече спрашивали о делах, поздравляли с большими публикациями. Как только на страницах газеты

мы сообщили о давлении, соседи при встрече стали интересоваться нашими успехами и просили «не сдаваться». Интересно, что, обращаясь ко мне, они имели в виду весь коллектив.

Таким образом, кейс «Красного знамени» демонстрирует, как реципрокность становится своего рода спасательным кругом для издания в условиях, когда независимая общественно-политическая журналистика как демократический институт оказывается под угрозой в условиях политически обусловленного давления. В широком контексте это ставит под сомнение аргумент некоторых авторов о том, что в описываемый период журналисты и журналистика в регионах России не пользовалась высоким доверием со стороны общества (Roudakova 2017:118; см. также Erzikova and Lowrey 2017). Как раз наоборот. В ситуации давления стимулы для обращения к различным формам реципрокности работают иначе и обретают особый смысл, чем в условиях стабильного и безопасного положения дел.

Поддержка «Красного знамени» разными представителями городского сообщества проявлялась не только в описанных выше формах реципрокности, но также в практиках солидарности. Именно в трудные для газеты времена по-новому раскрылся потенциал солидарности между изданием и его читателями. Более того, по оценкам информантов, которые согласуются с моими воспоминаниями и опытом коммуникации с аудиторией, эмоциональная насыщенность истории сопротивления в некоторой степени захватила и наших читателей. В таком контексте довольно сложно разделить реципрокность и солидарность. Например, по словам многих читателей газеты, подписка становилась и актом «поддержки любимой газеты», и способом солидаризации с журналистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Академические дискуссии о контроле над СМИ в недемократических режимах часто фокусируются на макроэкономической перспективе, обращая преимущественно к структурным и институциональным способам контроля (Fossato 2006; King et al. 2013; Lipman 2014; Voltmer 2013). В настоящей работе я предложила столь необходимый микро-социальный взгляд на понимание и теоретизацию контроля над СМИ, вместо оценки уровня давления попытаться идентифицировать и проанализировать мотивы, практики, ресурсы и возможности сопротивления этому давлению.

Представленный кейс позволяет переосмыслить само понятие контроля над СМИ. Политическое давление на независимые СМИ в исследованиях недемократических режимов оценивается как целостное явление, а контроль понимается как контроль против свободы (Anceschi 2015; Erzikova and Lowrey 2017; Fredheim 2017; Wijermars 2021). Выход за рамки институциональной парадигмы с ее акцентом на агентности государства и силового потенциала его институтов продемонстрировал методологическую и теоретическую продуктивность. Результаты проведенного исследования выявляют агентность журналистов и журналистики, а также значимость социального фундамента и реципрокных практик во взаимоотношениях журналистов и их аудитории в процессе сопротивления.

Кроме того, история «Красного знамени» также демонстрирует большую роль неэкономических капиталов для выживания общественно-политической прессы российских регионов: профессиональные стандарты, солидарность, репутация, доверие и ценности. Пример отдельно взятой газеты показывает способность традиционных СМИ мобилизовать социально-культурные ресурсы сообщества для защиты свободы слова, хотя многие эксперты признавали такой потенциал только за онлайн-медиа (Coddington et al. 2018; Domingo and Paterson 2011; Hess 2013). В целом, исследование практик сопротивления локальной прессы проявляет, как широкий спектр социальных и экономических акторов способны придавать независимой журналистике цель, ценность и значимость, наполнять ее смыслами.

В глобальном контексте свободы СМИ и государственной политики контроля и давления заявленная проблематика возможностей и границ сохранения автономии независимых СМИ открывает широкое поле для дальнейших исследований. Конечно, формат единичного кейс-стади не позволяет раскрыть то, как контроль над СМИ соотносится с типом режима; для этого потребуется сравнительный исследовательский дизайн, опирающийся на примеры из широкого спектра стран с разнообразными политическими режимами. С точки зрения макро-перспективы, рассматривающей структурные и институциональные способы контроля над СМИ, современная Россия – это типичный пример среди множества нелиберальных демократий. Дискуссии о растущем государственном участии в индустрии медиа и подконтрольности СМИ не утихают в академических и публичных кругах по всему миру. Например, государственные кампании против независимых СМИ в тот же период начала 2010-х разворачивались в Китае (King et al. 2013; Stockmann 2012), Малайзии (Abbot 2011), Индонезии (Mazduki 2021), Украине (Somfalvy and Pleines 2021), в странах Центральной и Восточной Европы (Dobek-Ostrowska and Głowacki 2016; Selva 2020), и многих других странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бешкарев, Алексей. 2016. «Региональная власть как объект журналистской пропаганды (на примере Республики Коми)». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 11(65):15–17.
- Бешкарев, Алексей. 2019. «Образ региональной власти в публикациях государственных сетевых СМИ Республики Коми и читательских комментариях». *Вестник Сыктывкарского Университета. Серия гуманитарных наук* 5(12):3–10.
- Венцовская, Анастасия. 2015. «Проблема свободы слова в СМИ Республики Коми». Выпускная квалификационная работа, Сыктывкарский государственный университет, Институт гуманитарных наук, кафедра журналистики.
- Вокуев, Николай. 2017. «Культура журналистики в Республике Коми: 2013–2017 годы». *Человек. Культура. Образование* 4(26):32–46.
- Ковалев, Виктор. 2016. «“Гайзергейт” в Республике Коми: неработающие институты авторитарного администрирования и политический порядок». *Россия и современный мир* 2(91):22–38.
- Сакаева, Мария. 2023. «Роль экологических НКО в борьбе с нефтяными разливами: случай Усинской катастрофы». *Вестник Пермского университета. Политология* 17(4):81–88. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-81-88>.
- Abbot, Jason. 2011. “Electoral Authoritarianism and Print Media in Malaysia: Measuring Political Bias and Analyzing Its Cause.” *Asian Affairs: An American Review* 38(1):1–38.

- Aneschi, Luca. 2015. "The Persistence of Media Control Under Consolidated Authoritarianism: Containing Kazakhstan's Digital Media." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 23(3):277–295.
- Behar, Ruth, and Deborah Gordon, eds. 1995. *Women Writing Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Belin, Laura. 2002. "The Rise and Fall of Russia's NTV." *Stanford Journal of International Law* 38(19):19–42.
- Bell, Deanne, Hugo Canham, Urmitapa Dutta, and Jesica Siham Fernández. 2020. "Retrospective Autoethnographies: A Call for Decolonial Imaginings for the New University." *Qualitative Inquiry* 26(7):849–859. <https://doi.org/10.1177/1077800419857743>.
- Bird, Elizabeth, ed. 2010. *The Anthropology of News and Journalism: Global Perspectives*. Bloomington: Indiana University Press.
- Brüggemann, Michael, Edda Humprecht, Rasmus Kleis Nielsen, Kari Karppinen, Alessio Cornia, and Frank Esser. 2016. "Framing the Newspaper Crisis." *Journalism Studies* 17(5):533–551. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2015.1006871>.
- Chupin, Ivan, and Francoise Daucé. 2017. "Termination of Journalists' Employment in Russia: Political Conflicts and Ordinary Negotiation Procedures in Newsrooms." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 9(2):39–58. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-2-39-58>.
- Coddington, Mark. 2019. *Aggregating the News: Secondhand Knowledge and the Erosion of Journalistic Authority*. New York: Columbia University Press.
- Coddington, Mark, Seth C. Lewis, and Avery E. Holton. 2018. "Measuring and Evaluating Reciprocal Journalism as a Concept." *Journalism Practice* 12(8):1039–1050. <https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1493948>.
- Daley, Patrick, and Beverly James. 2004. *Cultural Politics and the Mass Media: Alaska Native Voices*. Urbana: University of Illinois Press.
- Dobek-Ostrowska, Bogusława, and Michał Głowacki, eds. 2016. *Democracy and Media in Central and Eastern Europe 25 Years On*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Domingo, David, and Chris Paterson, eds. 2011. *Making Online News*. Vol. 2, *Newsroom Ethnographies in the Second Decade of Internet Journalism*. New York: Peter Lang.
- Domingo, David, Thorsten Quandt, Ari Heinonen, Steve Paulussen, Jane B. Singer, and Marina Vujnovic. 2008. "Participatory Journalism Practices in the Media and Beyond." *Journalism Practice* 2(3):326–342.
- Dovbysh, Olga. 2019. "Commercial or Public Service Actors? Controversies in the Nature of Russia's Regional Mass Media." *Russian Journal of Communication* 11(1):71–87. <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1572532>.
- Dovbysh, Olga, and Mika Perkiömäki. 2024. "(De)Politicization of the Environmental Agenda in Russian Media." *Journalism* 26(12):2729–2747. <https://doi.org/10.1177/14648849241284338>.
- Dovbysh, Olga, and Esther Somfalvy. 2021. "Understanding Media Control in the Digital Era." *Media and Communication* 9(4):1–4. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4861>.
- Erzikova, Elina, and Wilson Lowrey. 2017. "Russian Regional Media: Fragmented Community, Fragmented Online Practices." *Digital Journalism* 5(7):919–937. <https://doi.org/10.1080/21670811.2016.1234349>.
- Fossato, Floriana. 2006. "Vladimir Putin and the Russian Television 'Family.'" *Les Cahiers Russie—The Russia Papers* No. 1. Paris: Center for International Studies and Research (CERI) at Sciences Po University.
- Fredheim, Rolf. 2017. "The Loyal Editor Effect: Russian Online Journalism After Independence." *Post-Soviet Affairs* 33(1):34–48. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1200797>.
- Harte, Dave, Andy Williams, and Jerome Turner. 2017. "Reciprocity and the Hyperlocal Journalist." *Journalism Practice* 11(2–3):160–176. <https://doi.org/10.1080/17512786.2016.1219963>.
- Hess, Kristy. 2013. "Breaking Boundaries: Recasting the 'Local' Newspaper as 'Geo-Social' News in a Digital Landscape." *Digital Journalism* 1(1):48–63.

- King, Gary, Jennifer Pan, and Margaret E. Roberts. 2013. "How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression." *American Political Science Review* 107(2):326–343.
- Lewis, David. 2016. "Blogging Zhanaozen: Hegemonic Discourse and Authoritarian Resilience in Kazakhstan." *Central Asian Survey* 35(3):421–438. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1161902>.
- Lewis, Seth, Avery E. Holton, and Mark Coddington. 2014. "Reciprocal Journalism: A Concept of Mutual Exchange Between Journalists and Audiences." *Journalism Practice* 8(2):229–241.
- Lipman, Maria. 2014. "Russia's Nongovernmental Media Under Assault." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 22(2):179–190.
- Masduki. 2021. "Media Control in the Digital Politics of Indonesia." *Media and Communication* 9(4):52–61. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4225>.
- Nielsen, Rasmus Kleis. 2015. "Local Newspapers as Keystone Media: The Increased Importance of Diminished Newspapers for Local Political Information Environments." Pp. 51–72 in *Local Journalism: The Decline of Newspapers and the Rise of Digital Media*, edited by Rasmus Kleis Nielsen. London: I. B. Tauris.
- Nielsen, Rasmus Kleis. 2016. "Folk Theories of Journalism: The Many Faces of a Local Newspaper." *Journalism Studies* 17(7):840–848. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2016.1165140>.
- Pasti, Svetlana, and Jukka Pietiläinen. 2008. "Journalists in the Russian Regions: How Different Generations View Their Professional Roles." Pp. 109–132 in *Media, Culture and Society in Putin's Russia*, edited by Steven White. London: Palgrave Macmillan.
- Pietiläinen, Jukka. 2003. "Media Audiences in a Russian Province." *Nordicom Review* 24(1):79–87. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0300>.
- Ratilainen, Saara. 2020. "The Networked Architecture of Media Freedom in Contemporary Russia: The Case of Urban Online Magazines." Pp. 77–95 in *Freedom of Expression in Russia's New Mediasphere*, edited by Marielle Wijermars and Katja Lehtisaari. London: Routledge.
- Roudakova, Natalia. 2017. *Losing Pravda: Ethics and the Press in Post-Truth Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rutten, Ellen. 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Sakaeva, Maria. 2022. "Rivers Through the Prism of Oil Spills: Native Voices from the Russian Arctic." Pp. 19–33 in *Cold Waters: Tangible and Symbolic Seascapes of the North*, edited by Markku Lehtimäki, Arja Rosenholm, Elena Trubina, and Nina Tynkkynen. Cham, Switzerland: Springer.
- Schimpfössl, Elizabeth, and Ivan Yablokov. 2014. "Coercion or Conformism? Censorship and Self-Censorship Among Russian Media Personalities and Reporters in the 2010s." *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 20(2):295–312.
- Selva, Meera. 2020. *Fighting Words: Journalism Under Assault in Central and Eastern Europe*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism at the University of Oxford.
- Silva, Janelle M. 2017. "When Research 'Unravels': One Community Psychologist's Tale of Becoming a Nepantlera." *American Journal of Community Psychology* 59(1–2):239–251. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12122>.
- Somfalvy, Esther, and Heiko Pleines. 2021. "The Agency of Journalists in Competitive Authoritarian Regimes: The Case of Ukraine During Yanukovich's Presidency." *Media and Communication* 9(4):82–92. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4227>.
- Stockmann, Daniela. 2012. *Media Commercialization and Authoritarian Rule in China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilley-Lubbs, Gresilda A. 2009. "Good Intentions Pave the Way to Hierarchy: A Retrospective Autoethnographic Approach." *Michigan Journal of Community Service Learning* 16(1):59–68.
- Tripathi, Animesh, Reni Polus, Yunzhen Zhang, Rajesh Nautiyal, and Ismail Shaheer. 2024. "Remember That Time?" Introducing Retrospective Collaborative Autoethnography." *Tourism Recreation Research* 49(5):1154–1159. <https://doi.org/10.1080/02508281.2022.2109864>.

- Usher, Nikki. 2014. *Making News at The New York Times*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Vartanova, Elena. 2002. "Media Structures: Changed and Unchanged." Pp. 127–151 in *Russian Media Challenge*, edited by Kaarle Nordenstreng, Elena Vartanova, and Yivan Zassoursky. Helsinki: Kikimora Publications.
- Vartanova, Elena. 2012. "The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics." Pp. 221–249 in *Comparing Media Systems Beyond the Western World*, edited by Daniel C. Hallin and Paolo Mancini. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendil Pallin, Carolina. 2017. "Internet Control Through Ownership: The Case of Russia." *Post-Soviet Affairs* 33(1):16–33. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1121712>.
- Vinokour, Maya, ed. 2025. *Media Cultures of the Russian 1990s: Inventing the Post-Soviet Public Sphere*. Amherst, MA: Amherst College Press.
- Voltmer, Katrin. 2013. *The Media in Transitional Democracies: Contemporary Political Communication*. Cambridge: Polity.
- Wahl-Jorgensen, Karin. 2010. "News Production, Ethnography, and Power: On the Challenges of Newsroom-Centricity." Pp. 21–34 in *The Anthropology of News and Journalism: Global Perspectives*, edited by S. Elizabeth Bird. Bloomington: Indiana University Press.
- Wijermars, Mariëlle. 2021. "Russia's Law 'On News Aggregators': Control the News Feed, Control the News?" *Journalism* 22(12):2938–2954. <https://doi.org/10.1177/1464884921990917>.
- Zelizer, Barbie. 2004. *Taking Journalism Seriously: News and the Academy*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Zelizer, Barbie. 2019. "Why Journalism Is About More than Digital Technology." *Digital Journalism* 7(3):343–350. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1571932>.

“IT WAS HONEST JOURNALISM”: AN ETHNOGRAPHY OF THE FUNCTIONING OF THE INDEPENDENT PRESS IN A RUSSIAN REGION

Maria Sakaeva

Maria Sakaeva, Faculty of International Relations and Political Studies, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia. eu.sakaeva@gmail.com.

This article is dedicated to the memory of the journalists of the newspaper Krasnoe znamia who pioneered the independent press in the Komi Republic: Valerii Chernitsyn, Boris Suranov, Valerii Turkin, Anatolii Pol'kin, and Andrei Shopsha.

This case study focuses on the reciprocal relationships between the editorial board of a regional sociopolitical newspaper and its audience as they resisted pressure from regional authorities. The widespread pressure on the press in Russian regions between 2010 and 2014 sheds light not only on the mechanisms of state control but also on the resources and resistance capabilities of independent publications. Based on interviews and retrospective autoethnography, this article analyzes the resistance of the experience of an independent newspaper operating under pressure from regional authorities in the Komi Republic, a region of Russia. Defining media production as a type of social process, I present an analysis of the role of noneconomic capital—professional stan-

dards and personal norms, solidarity, and reciprocal practices—in the survival of regional independent press in the context of pressure. The findings demonstrate the agency of the journalists and independent publications in Russian regions, as well as the role of local communities with their independent media outlets, journalists, and other social and economic actors in the struggle for press freedom and freedom of speech.

Keywords: Russian Journalism; Regional Mass Media; Local Media; Independent Press; Reciprocal Journalism; Retrospective Autoethnography; Komi Republic

REFERENCES

- Abbot, Jason. 2011. "Electoral Authoritarianism and Print Media in Malaysia: Measuring Political Bias and Analyzing Its Cause." *Asian Affairs: An American Review* 38(1):1–38.
- Anceschi, Luca. 2015. "The Persistence of Media Control Under Consolidated Authoritarianism: Containing Kazakhstan's Digital Media." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 23(3):277–295.
- Behar, Ruth, and Deborah Gordon, eds. 1995. *Women Writing Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Belin, Laura. 2002. "The Rise and Fall of Russia's NTV." *Stanford Journal of International Law* 38(19):19–42.
- Bell, Deanne, Hugo Canham, Urmitapa Dutta, and Jesica Siham Fernández. 2020. "Retrospective Autoethnographies: A Call for Decolonial Imaginings for the New University." *Qualitative Inquiry* 26(7):849–859. <https://doi.org/10.1177/1077800419857743>.
- Beshkarev, Aleksei. 2016. "Regional'naia vlast' kak ob'ekt zhurnalistskoi propagandy (na primere Respubliki Komi)." *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 11(65):15–17.
- Beshkarev, Aleksei. 2019. "Obraz regional'noi vlasti v publikatsiakh gosudarstvennykh setevykh SMI Respubliki Komi i chitatel'skikh kommentariiakh." *Vestnik Syktyvskarskogo Universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* 5(12):3–10.
- Bird, Elizabeth, ed. 2010. *The Anthropology of News and Journalism: Global Perspectives*. Bloomington: Indiana University Press.
- Brüggemann, Michael, Edda Humprecht, Rasmus Kleis Nielsen, Kari Karppinen, Alessio Cornia, and Frank Esser. 2016. "Framing the Newspaper Crisis." *Journalism Studies* 17(5):533–551. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2015.1006871>.
- Chupin, Ivan, and Françoise Daucé. 2017. "Termination of Journalists' Employment in Russia: Political Conflicts and Ordinary Negotiation Procedures in Newsrooms." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 9(2):39–58. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-2-39-58>.
- Coddington, Mark. 2019. *Aggregating the News: Secondhand Knowledge and the Erosion of Journalistic Authority*. New York: Columbia University Press.
- Coddington, Mark, Seth C. Lewis, and Avery E. Holton. 2018. "Measuring and Evaluating Reciprocal Journalism as a Concept." *Journalism Practice* 12(8):1039–1050. <https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1493948>.
- Daley, Patrick, and Beverly James. 2004. *Cultural Politics and the Mass Media: Alaska Native Voices*. Urbana: University of Illinois Press.
- Dobek-Ostrowska, Bogusława, and Michał Głowacki, eds. 2016. *Democracy and Media in Central and Eastern Europe 25 Years On*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Domingo, David, and Chris Paterson, eds. 2011. *Making Online News*. Vol. 2, *Newsroom Ethnographies in the Second Decade of Internet Journalism*. New York: Peter Lang.
- Domingo, David, Thorsten Quandt, Ari Heinonen, Steve Paulussen, Jane B. Singer, and Marina Vujnovic. 2008. "Participatory Journalism Practices in the Media and Beyond." *Journalism Practice* 2(3):326–342.
- Dovbysh, Olga. 2019. "Commercial or Public Service Actors? Controversies in the Nature of Russia's Regional Mass Media." *Russian Journal of Communication* 11(1):71–87. <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1572532>.

- Dovbysh, Olga, and Mika Perkiömäki. 2024. "(De)Politicization of the Environmental Agenda in Russian Media." *Journalism* 26(12):2729–2747. <https://doi.org/10.1177/14648849241284338>.
- Dovbysh, Olga, and Esther Somfalvy. 2021. "Understanding Media Control in the Digital Era." *Media and Communication* 9(4):1–4. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4861>.
- Erzikova, Elina, and Wilson Lowrey. 2017. "Russian Regional Media: Fragmented Community, Fragmented Online Practices." *Digital Journalism* 5(7):919–937. <https://doi.org/10.1080/21670811.2016.1234349>.
- Fossato, Floriana. 2006. "Vladimir Putin and the Russian Television 'Family.'" *Les Cahiers Russie—The Russia Papers* No. 1. Paris: Center for International Studies and Research (CERI) at Sciences Po University.
- Fredheim, Rolf. 2017. "The Loyal Editor Effect: Russian Online Journalism After Independence." *Post-Soviet Affairs* 33(1):34–48. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1200797>.
- Harte, Dave, Andy Williams, and Jerome Turner. 2017. "Reciprocity and the Hyperlocal Journalist." *Journalism Practice* 11(2–3):160–176. <https://doi.org/10.1080/17512786.2016.1219963>.
- Hess, Kristy. 2013. "Breaking Boundaries: Recasting the 'Local' Newspaper as 'Geo-Social' News in a Digital Landscape." *Digital Journalism* 1(1):48–63.
- King, Gary, Jennifer Pan, and Margaret E. Roberts. 2013. "How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression." *American Political Science Review* 107(2):326–343.
- Kovalev, Viktor. 2016. "'Gaizergeit' v Respublike Komi: Nerabotaiushchie instituty avtoritarnogo administrirovaniia i politicheskii poriadok." *Rossii i sovremennyi mir* 2(91):22–38.
- Lewis, David. 2016. "Blogging Zhanaozen: Hegemonic Discourse and Authoritarian Resilience in Kazakhstan." *Central Asian Survey* 35(3):421–438. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1161902>.
- Lewis, Seth, Avery E. Holton, and Mark Coddington. 2014. "Reciprocal Journalism: A Concept of Mutual Exchange Between Journalists and Audiences." *Journalism Practice* 8(2):229–241.
- Lipman, Maria. 2014. "Russia's Nongovernmental Media Under Assault." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 22(2):179–190.
- Masduki. 2021. "Media Control in the Digital Politics of Indonesia." *Media and Communication* 9(4):52–61. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4225>.
- Nielsen, Rasmus Kleis. 2015. "Local Newspapers as Keystone Media: The Increased Importance of Diminished Newspapers for Local Political Information Environments." Pp. 51–72 in *Local Journalism: The Decline of Newspapers and the Rise of Digital Media*, edited by Rasmus Kleis Nielsen. London: I. B. Tauris.
- Nielsen, Rasmus Kleis. 2016. "Folk Theories of Journalism: The Many Faces of a Local Newspaper." *Journalism Studies* 17(7):840–848. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2016.1165140>.
- Pasti, Svetlana, and Jukka Pietiläinen. 2008. "Journalists in the Russian Regions: How Different Generations View Their Professional Roles." Pp. 109–132 in *Media, Culture and Society in Putin's Russia*, edited by Steven White. London: Palgrave Macmillan.
- Pietiläinen, Jukka. 2003. "Media Audiences in a Russian Province." *Nordicom Review* 24(1):79–87. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0300>.
- Ratilainen, Saara. 2020. "The Networked Architecture of Media Freedom in Contemporary Russia: The Case of Urban Online Magazines." Pp. 77–95 in *Freedom of Expression in Russia's New Mediasphere*, edited by Marielle Wijermars and Katja Lehtisaari. London: Routledge.
- Roudakova, Natalia. 2017. *Losing Pravda: Ethics and the Press in Post-Truth Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rutten, Ellen. 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Sakaeva, Maria. 2022. "Rivers Through the Prism of Oil Spills: Native Voices from the Russian Arctic." Pp. 19–33 in *Cold Waters: Tangible and Symbolic Seascapes of the North*, edited by Markku Lehtimäki, Arja Rosenholm, Elena Trubina, and Nina Tynkkynen. Cham, Switzerland: Springer.
- Sakaeva, Maria. 2023. "Rol' ekologicheskikh NKO v bor'be s neftianymi razlivami: Sluchai Usinskoi katastrofy." *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* 17(4):81–88. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-81-88>.

- Schimpfössl, Elizabeth, and Ivan Yablokov. 2014. "Coercion or Conformism? Censorship and Self-Censorship Among Russian Media Personalities and Reporters in the 2010s." *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 20(2):295–312.
- Selva, Meera. 2020. *Fighting Words: Journalism Under Assault in Central and Eastern Europe*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism at the University of Oxford.
- Silva, Janelle M. 2017. "When Research 'Unravels': One Community Psychologist's Tale of Becoming a Nepantlera." *American Journal of Community Psychology* 59(1–2):239–251. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12122>.
- Somfalvy, Esther, and Heiko Pleines. 2021. "The Agency of Journalists in Competitive Authoritarian Regimes: The Case of Ukraine During Yanukovich's Presidency." *Media and Communication* 9(4):82–92. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4227>.
- Stockmann, Daniela. 2012. *Media Commercialization and Authoritarian Rule in China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilley-Lubbs, Gresilda A. 2009. "Good Intentions Pave the Way to Hierarchy: A Retrospective Autoethnographic Approach." *Michigan Journal of Community Service Learning* 16(1):59–68.
- Tripathi, Animesh, Reni Polus, Yunzhen Zhang, Rajesh Nautiyal, and Ismail Shaheer. 2024. "'Remember That Time?' Introducing Retrospective Collaborative Autoethnography." *Tourism Recreation Research* 49(5):1154–1159. <https://doi.org/10.1080/02508281.2022.2109864>.
- Usher, Nikki. 2014. *Making News at The New York Times*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Vartanova, Elena. 2002. "Media Structures: Changed and Unchanged." Pp. 127–151 in *Russian Media Challenge*, edited by Kaarle Nordenstreng, Elena Vartanova, and Yivan Zassoursky. Helsinki: Kikimora Publications.
- Vartanova, Elena. 2012. "The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics." Pp. 221–249 in *Comparing Media Systems Beyond the Western World*, edited by Daniel C. Hallin and Paolo Mancini. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendil Pallin, Carolina. 2017. "Internet Control Through Ownership: The Case of Russia." *Post-Soviet Affairs* 33(1):16–33. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1121712>.
- Ventskovskaia, Anastasiia. 2015. "Problema svobody slova v SMI Respubliki Komi." Final thesis, Department of Journalism, Syktyvkar State University.
- Vinokour, Maya, ed. 2025. *Media Cultures of the Russian 1990s: Inventing the Post-Soviet Public Sphere*. Amherst, MA: Amherst College Press.
- Vokuev, Nikolai. 2017. "Kul'tura zhurnalistiki v Respublike Komi: 2013–2017 gody." *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* 4(26):32–46.
- Voltmer, Katrin. 2013. *The Media in Transitional Democracies: Contemporary Political Communication*. Cambridge: Polity.
- Wahl-Jorgensen, Karin. 2010. "News Production, Ethnography, and Power: On the Challenges of Newsroom-Centricity." Pp. 21–34 in *The Anthropology of News and Journalism: Global Perspectives*, edited by S. Elizabeth Bird. Bloomington: Indiana University Press.
- Wijermars, Mariëlle. 2021. "Russia's Law 'On News Aggregators': Control the News Feed, Control the News?" *Journalism* 22(12):2938–2954. <https://doi.org/10.1177/1464884921990917>.
- Zelizer, Barbie. 2004. *Taking Journalism Seriously: News and the Academy*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Zelizer, Barbie. 2019. "Why Journalism Is About More than Digital Technology." *Digital Journalism* 7(3):343–350. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1571932>.